

КНИГА С ИСТОРИЕЙ

ЧУДЕСА

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

Сборник

Чудеса в рождественскую ночь

Серия «Книга с историей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66898048

*Чудеса в рождественскую ночь: сказки и рассказы русских писателей:
ISBN 978-5-00108-840-0*

Аннотация

Заканчивается декабрь. Скоро Новый год и Рождество. Дома и улицы городов украсили ёлки, фигурки ангелов и снеговиков, венки из еловых лап, разноцветные гирлянды – из сверкающих фонариков, блестящей мишуры и даже из старых новогодних открыток. Как приятно было когда-то получить такое красочное поздравление от друзей!

А ещё в праздничные дни дети и родители вечерами уютно устраивались в гостиных и вместе читали рождественские альманахи. Сколько же удивительных сказок и рассказов было написано к Рождеству! И, склонившись над страницами этих книг, можно было посочувствовать бедным детям, рассмеяться, радуясь, что истории о них всегда заканчиваются хорошо, удивиться и даже немного испугаться. Ведь именно на Рождество всегда случаются самые немыслимые, мистические, но абсолютно правдивые истории.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Владимир Одоевский	7
Константин Ушинский	22
Владимир Даль	28
Мария Толмачёва	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Чудеса в рождественскую ночь: сказки и рассказы русских писателей

Съ РОЖДЕСТВОМЪ ХРИСТОВЫМЪ!

Дремлет русское село; всю дорогу,
Все тропинки белым снегом замело...

Аполлон Коринфский

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 202

Владимир Одоевский

Мороз Иванович

*Нам даром, без труда ничего не даётся,
Недаром исстари пословица ведётся.*

Водном доме жили две девочки: Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка. Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила. А Ленивица меж тем в постельке лежала; уж давно к обедне¹ звонят, а она ещё всё потягивается, с боку на бок переваливается, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки; нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать – да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет, да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

---

¹ Обедня – церковное богослужение, совершаемое утром или в первую половину дня. (Здесь и далее примеч. ред.).

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста, так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки рубить², а не то и рубашки шить да кроить, да ещё рукодельную песенку затынет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер – день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на верёвке, а верёвка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть? Расплакалась бедная Рукодельница да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

– Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведёрко утонула, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну.

Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

---

² Платки рубить – подрубливать, то есть подшивать края.

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идёт она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

– Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питаемся, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идёт дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой – от волос иней сыплется, духом дохнёт – валит густой пар.

– А! – сказал он. – Здрóво, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

– Знаю я, зачем ты пришла, – говорит Мороз Иванович, ты ведёрко в мой студенец³ опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, – прибавил

---

³ Студенец – колодец, родник.

Мороз Иванович, — мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась. Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёздочками, солнышко на них сияло, и всё в доме блестело, как бриллианты. На постели у Мороза Иваныча вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего. Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а меж тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут: и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего — работают бедные люди.

От праздниковъ
Рождества
Христова!

Узоры на стёклах расписал наш Дедушка Мороз
Из лилий, ландышей и белоснежных роз...

Лев Мей

– Ничего, – сказал Мороз Иваныч, – только снегом пальцы потри, так и отойдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жаль бедной травки.

– Вот ты говоришь, – сказала она, – что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет божий не выпускаешь?

– Не выпускаю потому, что ещё не время, ещё трава в силу не вошла. Добрый мужичок её осенью посеял, она и возшла, и кабы вытянулась она, то зима бы её захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я, – продолжал Мороз Иванович, – и прикрыл молодую зелень моею снежной периной, да ещё сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло, а вот придёт весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно мужичок соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

– Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, – сказала Рукодель-

ница, — зачем ты в колодце-то сидишь?

— Я затем в колодце сижу, что весна подходит, — сказал Мороз Иванович. — Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

— А зачем ты, Мороз Иванович, — спросила Рукодельница, — зимою по улицам ходишь да в окошки стучишься?

— А я затем в окошки стучусь, — отвечал Мороз Иванович, — чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда ещё не все угольки прогорели, а оттого в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтобы люди не забывали, что они в тёплой горнице сидят или надевают тёплую шубку, а что есть на свете нищенские, которым зимой холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы люди нищенским помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке да и лёг почивать на свою снежную постельку.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготвила, платье у старика починила и бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблаго-

дарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; стол был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготовил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

– Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утетила, но и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я всыпал целую горсть серебряных пяточков; да, сверх того, вот тебе на память бриллиантик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколотла бриллиантик, взяла ведёрко, пошла опять к колодцу, ухватила за верёвку и вышла на свет божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку, кукареки!

У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

– Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай: в ком-

нате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пяточки ей получить хотелось и бриллиантовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку, да и бух прямо ко дну. Смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт.

А Ленивица ему в ответ:

– Да, как бы не так! Мне себя утомлять, лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

– Мы яблочки наливные, созревшие; корнем дерева питаемся, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

– Да, как бы не так! – отвечала Ленивица. – Мне себя утомлять, ручки подымать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами попадают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной ска-

меечке да снежные комочки прикусывал.

– Что тебе надобно, девочка? – спросил он.

– Пришла я к тебе, – отвечала Ленивица, – послужить да за работу получить.

– Дельно ты сказала, девочка, – отвечал старик, – за работу деньгá следует, только посмотрим, какова ещё твоя работа будет! Поди-ка взбей мне перину, а потом кушанье изготовь, да платье моё повычини, да бельё повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорóгой думает: «Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню.

Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень было ей посмотреть.

Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас – всё по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрезола да, чтоб большого труда себе не давать, как всё было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ещё кваску подлила, а сама думает: «Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке всё вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатертцы не подостла-

ла. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

– Хорошо ты готовишь, – заметил он улыбаясь. – Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, инда⁴ её стошнило; а старик побряхтел, побряхтел да и принялся сам готовить кушанье и сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица на́шивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так её и бросила.

А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал, да ещё спать её уложил. А Ленивице то и любо; думает себе: «Авось и так пройдёт. Вольно́ было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, за даром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

– Да какая же была твоя работа? – спросил старичок. – Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

---

⁴ Инда – так что, так что даже.

— Да, как же! — отвечала Ленивица. — Я ведь у тебя целых три дня жила.

— Знаешь, голубушка, — отвечал старичок, — что я тебе скажу: жить и служить разница, да и работа работе рознь. Заметь это: вперёд пригодится. Но впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С сими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшей серебряный слиток, а в другую руку пребольшей бриллиант. Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

H. Mervin

Мороз-воевода дозором обходит владенья свои...
Метели, снега и туманы покорны Морозу всегда...

Николай Некрасов

Пришла домой и хвастается.

– Вот, – говорит, – что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький бриллиантик, а целый слиток серебряный, вишь, какой тяжёлый, да и бриллиант-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и бриллиант. А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку, кукарекулька,
У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленье, а что намёком. Да и то смекните, что не за всякий труд и добро награда бывает; а бывает награда ненароком, потому что труд и добро сами по себе хороши и ко всякому делу пригодны; так уж Богом устроено. Сами только чужого добра да труда без награды не оставляйте, а

покамест от вас награда – ученье да послушанье...

Константин Ушинский

Проказы старухи зимы

Разозлилась старуха зима, задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего она стала до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху⁵ забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом. Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупле орешки грызёт, медведь в берлоге лапу сосёт; зайныка, прыгаючи, греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое пойло пьют.

Пуще злится зима – до рыб она добирается: посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут,

---

⁵ Стреха – свисающий край крыши.

молотками громко постукивают: без клиньев, без подклиньков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

«Ну, стой же, — думает зима, — дойму я людей», — и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в окнах; стучат и в стены, и в двери, так что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимою посмеиваются. Случится кому за дорогами в лес ехать — наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись: от лошадей пар валит, извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами передёргивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже малые ребятишки и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают да ещё мороз кличут: «Приди-ка пособить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снегу, давай тереть — и разгорится у него лицо, как огонь.

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

Мчусь как ветер на коньках вдоль лесной опушки...
Рукавицы на руках, шапка на макушке...

Саша Чёрный

Видит зима, что ничем ей не взять, заплакала со злости.
Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалёко!

Съ Рождествомъ Христовымъ.

День – коньки, снежки, салазки,
Вечер – бабушкины сказки, – вот она – зима!..

Афанасий Фет

Владимир Даль

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

– А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

– Что ж будешь делать – нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снега в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой⁶ и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики – пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну – глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

---

⁶ Ветошка, ветошь – лоскуток ткани, которым вытирают, обтирают что-то.

Труженик-крестьянин вытащил санишки,
Снеговые горы строят ребяташки.
Уж давно крестьянин ждал зимы и стужи,
И избу соломой он укрыл снаружи.
Чтобы в избу ветер не проник сквозь щели,
Не надули б снега вьюги и метели.
Он теперь покоен – всё кругом укрыто,
И ему не страшен злой мороз, сердитый.

Иван Суриков

– Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, веш-
ним солнышком пригрета и наругана.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенечко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка⁷,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно́ платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой жучке лиса, прикинулась больной и ну жучку укланивать, умаливать, тоненьким голоском упрашивать:

– Жученька, жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной

---

⁷ Кокурочка – от «кокурка» – сдобная лепёшка, пирожок.

лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так жучку прибил и со двора согнал.

– Иди, – говорит, – куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки кланяться да зарекаться, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягоды берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать – никто ей не откликнется. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того – заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! ау!»

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся.

– О чём, девица, о чём, красная?

– Ау! ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снега скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

– Слезай, – сказал медведь, – я тебя домой доведу!

– Нет, медведь, – отвечала девочка Снегурочка, – я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау! ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Слезай, – сказал волк, – я доведу тебя до дому!

– Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

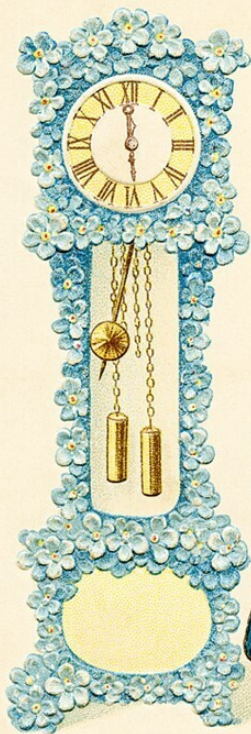
Волк ушёл. Идёт лиса Патрикеевна:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау! ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

Поздравляю.

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух озаряет небеса...

Александр Блок

– Нет, лиса, льстивы твои слова, я боюсь тебя – ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка нейдёт.

– Гам, гам, гам! – залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

– Ау, ау, жученька! Ау, ау, милая! Я здесь – девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, жучка, пойду!

Вот как услыхала лиса собачий лай, так махнула пушняка⁸ своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет. Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не

---

⁸ Пушнык – хвост.

приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость,
на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Мария Толмачёва
Мишина ёлка
Отрывок из повести
«Как жила Тася»

– Мама, дай мне тряпочек, мне надо Мишке новую рубашку сшить! – говорила Тася, подходя к маме, которая усердно шила что-то на машинке.

– На тебе! – ответила мама, на минуту останавливая свою работу и придвигая к Тасе несколько лоскутков.

Тася недовольно повертела их в руках.

– Мамочка, они некрасивые: серые! Нет ли у тебя других?

Но мамина машинка уже поспешно отбивала своё «тук-тук-тук!», и мама только отрицательно головой помотала. Но от Таси не так-то просто было отделаться.

Она подумала минутку и опять спросила:

– А если я сама найду, тогда можно? Хорошо, мамочка?

Неизвестно, расслышала ли хорошенько мама Тасин вопрос, но только она торопливо ответила:

– Хорошо! хорошо! Не мешай, пожалуйста!

Тася медленно вернулась в детскую, обдумывая, с чего начать поиски. Заглянула в комнату сестры, под папин письменный стол, в мамин рабочий ящик – нигде ничего не было.

Няня сидела штопала чулки, и у неё тоже ничего не было.

Девочка совсем уж теряла надежду, как вдруг ей бросился в глаза пёстрый ситцевый фартучек, который она сняла перед завтраком, потому что разорвала его нечаянно, зацепившись за нянин сундук.

– Ведь хорошо бы из него сделать рубашечку? – промелькнуло у неё в голове.

Тася нерешительно взяла и стала рассматривать фартучек.

Вон какая дыра и прямо спереди! Ну, как его теперь носить? А рубашка бы вышла очень хорошая и нарядная! Как раз к ёлке! Ведь мама же позволила взять, если я сама найду что-нибудь!

Хоть Тася и не совсем была уверена в своей правоте, но, чтоб не раздумывать дольше, быстро распластала фартучек на полу, взяла ножницы и принялась за дело.

Кроить эти рубашки её выучила мама. Это было очень просто: сложить материю пополам, вырезать с боков по куску – и готово.

Скроив, Тася достала нитку с иглой и солидно уселась шить в уголке. Шила, а сама обдумывала, кого позвать и как устроить ёлку для Мишки и кукол.

Каждый год после большой ёлки бывала и крошечная – для игрушек. Тася её сама украшала, сама созывала гостей и угощала их. Куклы, наряженные в лучшие платья, сидели тут же.

– Не буду звать мальчиков! – соображала Тася.

В прошлом году были Володя и Петя, всё время шумели и толкались, Мишку как мячик кидали, все конфеты съели, мне даже ни одной шоколадинки с картинкой не досталось! Нет, позову лучше одну Сонечку. Пусть возьмёт свою обезьянку Томку, и мы будем играть!

– Ты что же это, матушка моя, наделала? А? – вдруг прервал её мечты нянин голос над самой головой. – Хороший передничек изрезала! Вот я сейчас пойду мамаше пожалуюсь!

Мама вошла в комнату и ахнула.

– Тася, как же это ты смела сделать не спросясь?

Тася вспыхнула.

– Ты же мне сама позволила, мамочка, взять, если я найду что-нибудь! – невинным голоском ответила она.

– Когда же это я позволила?

– А ты шила тогда...

Тася подняла осторожно глаза на мамино лицо и увидела, что её губы дрожат, сдерживая улыбку. Она радостно запрыгала.

– А! Ты не сердись, не сердись!

Мамино лицо вдруг стало серьёзным.

– Нет, сержусь! На то, что ты хитришь: терпеть этого не могу! Скажи по правде: разве ты не знала, что нельзя резать фартучек? Почему ты меня не спросила?

Тася потупилась.

– Потому что ты бы не позволила! – едва слышно ответила она.

– Ага! Вот видишь! Значит, ты отлично знала, что нельзя!

Тасе стало очень неловко. Она заморгала глазами и низко опустила голову.

– Ну, будет! – услышала она мамин голос. – Вперёд так не делай! Иди всегда прямым путём! Ну, покажи, что у тебя тут выходит. Молодец, скроила-то ты совсем верно. Ну, пойдём уж, я тебе дам золотые пуговицы для застёжки!

Тася улыбнулась, провела кулаком по затуманившимся глазам и вприпрыжку побежала за мамой. На душе у неё стало легко и свободно.

Когда подошло Рождество, и то папа, то мама стали приносить заманчивые пакеты, и дети с живейшим любопытством кидались развёртывать их, Тася, словно маленький мышонок, зорко присматривалась и ловила удобную минуту.

– Папочка, можно мне эти шоколадные лепёшечки для моей собственной ёлки взять? – умоляюще заглядывала она отцу в глаза. – И вот этих пряничков тоже, хоть немножко!

И, получив разрешение, стремглав убегала в детскую и прятала добытые сокровища в потайное местечко.

– Таська всю ёлку перетаскает, право! Вот жадная-то! – ворчал брат Коля.

– Не беспокойся, я и тебя приглашу! – утешала его девочка.

– Ну, ещё бы!

Но вот и Рождество пришло. Празднично запахло хвоей в комнатах. Тася в новом платье тихонько прохаживалась по гостиной и сияющими глазами посматривала на тёмную, пушистую ёлку, которую должны были зажечь вечером, всю разубранную, красовавшуюся посреди комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.